

приведенные в книге, особенно относительно применяемых растительных, механических и физиотерапевтических средств лечения, могут быть использованы всеми практикующими врачами. В работе затрагиваются исторические, этнографические, медицинские, биологические, педагогические, культурные и психологические данные, и тем самым она расширяет представление о сущности и понятии народной медицины финно-угорских народов Поволжья и Приуралья как части системы их жизнеобеспечения. Анализ источников позволил автору показать хронологически новационные процессы, происходящие в медицине региона. Работа, безусловно, является базовой; это удачное начало для последующих размышлений других ученых.

Н.А. Дубова

© 2001 г., ЭО, № 3

У Хла Тейн Тху. Будда-мьянманец*. Янгон, 1997. 159 с. (на бирман. яз.).

Рецензируемая книга не относится к числу строго научных работ. Она принадлежит к научно-популярному жанру в его весьма своеобразном мьянманском варианте и характеризуется значительным налетом сенсационности. Это видно уже из самого названия книги – «Будда-мьянманец». Автор пытается доказать, что Будда Шакьямуни по крови, по национальности – не кто иной, как мьянманец.

У Хла Тейн Тху – географ по образованию. К тому же он получил солидное традиционное религиозное образование, хорошо знаком с палийской буддийской литературой, издал несколько работ по проблемам буддизма. Он является сотрудником Департамента по распространению буддизма Мьянмы.

Возьму на себя смелость утверждать, что труд У Хла Тейн Тху по направленности можно сравнить с такими работами, как «Аз и я» О. Сулейменова, «Память» В. Чивилихина и даже с исследованиями Л. Гумилева. (В скобках замечу, что это исследование в некоторых аспектах напрашивается на сопоставление с изысканиями акад. А. Фоменко о так называемой новой хронологии.) Для автора характерны смелые гипотезы, стремление по-новому взглянуть на общеизвестные факты. При этом смелость далеко не всегда базируется на фактологическом фундаменте и находится в ладах с исторической логикой. Тем не менее в некоторых случаях выдвигаемые им предположения довольно удачны. Интересной бывает и сама постановка вопросов, рассматриваемых в книге.

В своих изысканиях У Хла Тейн Тху руководствуется прежде всего чувством национализма, патриотизма. Его вдохновляет религиозное рвение. Автор стремится доказать, что древние мьянманцы и шакья/сакья, в среде которых родился принц Сиддхартха Гаутама, были одним народом, составляли одну национальность. Тем самым начисто опровергается устоявшееся мнение о том, что принц Сиддхартха – индоарий.

Мьянманский автор доказывает принадлежность шакьев к монголоидной расе, не исключая, впрочем, у них примеси индоевропейской крови. Данное положение не вызвало бы особых возражений, так как оно не противоречит реалиям: на территории нынешнего Непала, где родился Будда, проживали и проживают и монголоиды, и европеоиды, и смешанные группы. Трудно оспорить и убежденность У Хла Тейн Тху в том, что шакья были тибето-бирманцами. Невары, таманги, магары, гурунги и другие народы Непала говорят на языках тибето-бирманской группы. Но У Хла Тейн Тху идет значительно дальше. Он стремится обосновать полную идентичность шакьев и мьянманцев, выдвигая свою собственную теорию движения народов в этом регионе в древности.

Надо признать, что в науке до сих пор нет ясности относительно времени прихода мьянманцев, или,

* С июня 1989 г. официальное название Бирмы – Мьянма. В рецензии эти названия, а также «бирманец-мьянманец» и «бирманский-мьянманский» употребляются как синонимы.

точнее, бирманцев, на территорию современной Мьянмы. Этим и пользуется У Хла Тейн Тху, удревяя мьянманскую историю и по своему усмотрению прокладывая пути переселения народов. По его мнению, предки современных мьянманцев и древние шакьи были одним народом, заселившим пространство между Гангом, Брахмапутрой, Иравади и Меконгом несколько тысяч лет назад (с. 4). Спустились они с высокогорных степей Северо-Западного Китая; затем шакьи расселились у южных предгорий Гималаев.

Автор приводит примеры, когда большие группы шакьев во главе со своими предводителями, теснимые ариями, вновь возвращались на мьянманскую территорию, находя там спасение (с. 113). Это, как он полагает, подтверждает единокровность шакьев и мьянманцев. В доказательство им приводятся ссылки на мьянманские хроники, фольклор, предания. При этом У Хла Тейн Тху подвергает критике (заметим – не всегда не обоснованно) английскую школу истории Мьянмы за недоверие к названным выше источникам, а зачастую и пренебрежение ими.

Доказывая неарийское происхождение основателя буддизма, автор приводит целый ряд аргументов, заставляющих задуматься. Его логика такова. Арийское общество, почитавшее Веды, было полно кричащих социальных противоречий: жесткая кастовость, угнетенное положение женщин и др. Широко практиковались кровавые жертвоприношения. В основе ведийской религии лежат положения о существовании бессмертной души – атмана, о божественном творце. «Как же на подобной почве мог возникнуть буддизм с его эгалитаризмом, отрицанием души и бога-творца?» – задается вопросом У Хла Тейн Тху (с. 152–153).

Ответ на него заключается в том, что буддийское учение зародилось в принципиально другом обществе – в обществе шакьев, не знавшем кастовости и резкого социального неравенства. Более того, государства шакьев не были абсолютными монархиями: в них существовали представительные органы – парламенты, утверждавшие указы правителей; сами правители зачастую избирались парламентами. Именно отсюда, полагает автор, происходит демократическая организация сангхи – буддийской монашеской общины (с. 94). Недаром жрецы-брахманы встретили чужеродное учение Будды в штыки и преследовали и его самого, и его последователей, в то время как Будда принимал в свою общину всех независимо от касты и социального положения.

Примерно в таком же духе У Хла Тейн Тху размышляет и по поводу того, почему буддизм не прижился в Индии. Кстати, этот вопрос не до конца ясен для ученых-востоковедов. Автор же рецензируемой книги не затрудняется с ответом. Учение Будды не пустило глубоких корней в Индии, потому что возникло на другой почве, в другой национальной среде, считает он. Расцвет буддизма в Индии при императоре Ашоке У Хла Тейн Тху обосновывает тем, что последний происходил из клана шакьев (с. 143).

Бастионами буддизма, как полагает автор рецензируемой книги, были и остаются страны, населенные родственниками Будды, и прежде всего, конечно, Мьянма, ибо Будда был мьянманцем. Непонятно, правда, как быть с буддистами-сингалами или же буддистами-японцами, которые не находятся в кровном родстве с Буддой.

При доказательстве неарийского происхождения Будды У Хла Тейн Тху ссылается на его собственные слова (с. 82). При этом он обращается исключительно к каноническим текстам и комментариям на языке пали, предостерегая против литературы на санскрите как проникнутой идеями брахманизма и индуизма, а следовательно, архаичной, искажающей факты в интересах индоарийцев. Любопытно, что доводы У Хла Тейн Тху находятся в русле усилий непальцев по «закреплению» принца Сиддхартхи Гаутамы из рода шакьев за Непалом. В гималайском королевстве болезненно реагируют, когда Сиддхартху называют индийским принцем. Есть в Непале и прямые родственники Будды. Это невары, а если быть точным, то влиятельная фамилия Шакья, или Сакья.

Кстати, автор уделяет в книге много места показу сходства между неварями и мьянманцами в языке, искусстве, внешнем облике (с. 117, 125). Действительно, неварский язык принадлежит к тибето-бирманской языковой группе, а в расовом отношении невары ближе к монголоидному типу. В их искусстве, в частности в блестящей резьбе по дереву, встречаются мотивы, близкие мьянманским. Так, у обоих народов распространено изображение павлина. Невары – буддисты, хотя и принадлежат к направлению ваджраяны, испытывают тяготение к Мьянме, считая ее оплотом подлинного буддизма – тхеравады. Многие невары едут в Мьянму для получения религиозного образования и посвящения в монахи.

И все-таки все сказанное выше не служит доказательством тождества неваров и мьянманцев. Они хотя и родственные, но весьма различающиеся народы. Точно так же нет сколько-нибудь веских оснований считать одним народом древних шакьев и мьянманцев. Более того, не доказано, что невары – прямые наследники шакьев. Интересна реакция на утверждение автора о том, что Будда – мьянманец, мьянманского настоятеля международного медитационного центра в Катманду Ашин Асабха Сара: «Точно с таким же успехом можно объявить, что Будда – русский».

При всем своем критическом отношении к индоарийцам, У Хла Тейн Тху не может обойти тему огромного индийского влияния на страны Юго-Восточной Азии, в том числе и на Мьянму. Отрицать это влияние на культуру, государственность последней нет никакой возможности, и автор признает его. Однако тут же оговаривает, что оно стало распространяться только после появления в Индии буддизма, да и то не напрямую, а через шакьев, которые бежали после разгрома на территорию Мьянмы. Поэтому, по его мнению, в Мьянме не обнаруживается следов кастовости или же угнетенного положения женщин, а преобладают эгалитаристские черты (с. 69).

Для У Хла Тейн Тху быть мьянманцем – значит быть буддистом. При этом он высказывает своеобразную мысль: «Мьянма для мира интересна и важна именно как буддийская страна» и даже «Самая ценная статья бирманского экспорта – буддизм» (с. 149–150). Отмечает он и все возрастающий интерес к буддизму на Западе.

Чтобы доказать право Мьянмы на Будду, У Хла Тейн Тху обращается к антропологии, утверждая, что именно территория этой страны – одна из прародин человечества. Такие утверждения опираются на недавно обнаруженные научными следы древнего человека, в частности в пещере Падалини. Сами этнонимы «Бирма», «Мьянма», «бирманцы», «мьянманцы» происходят, по мнению автора, от Брахмы, брахмана, т.е. жители древней Индии считали бирманцев подобными богам, возвышенными как брахманы. Соответственно шакьи – производное от имени верховного божества Саджамина, более известного как Индра (с. 138–139).

У Хла Тейн Тху убежден, что 3–4 тыс. лет назад бирманцы, шакьи/невары, а также манипурцы и ассамцы составляли единый народ и, возможно, были объединены в одно государство. Однако надежных доказательств этого он не приводит, кроме такого довода, как, например, ссылка на бирманское присловье: «шакьи – это мы, бирманцы» (с. 1).

Неслучайными видятся У Хла Тейн Тху и такие факты, как первое преподнесение пищи Будде сразу же после достижения им просветления в Боддгайе братьями Талоуса и Балика, торговцами из монского государства, располагавшегося на землях современной Мьянмы, или же возведение первой ступы – Шведарга – еще при жизни Будды именно в том месте, где сейчас находится мьянманская столица Янгон.

Подход автора отражает широко распространенные в мьянманском обществе настроения: у Мьянмы есть особая миссия, заключающаяся в сохранении, развитии и распространении буддийского учения. Получается, что не только быть мьянманцем – значит быть буддистом, но и наоборот: настоящим буддистом может быть только мьянманец.

Вместе с тем У Хла Тейн Тху не может не осознавать, что возникает непримиримое противоречие между им же подчеркиваемыми универсальностью, всемирностью буддизма, в основе своей равнодушного к социальному статусу и национальной принадлежности человека, и узким национализмом. Поэтому автор вынужден оправдываться, подчеркивать, что он вовсе не призывает всех стать буддистами, а выступает за свободу вероисповедания. Делается реверанс и в сторону Индии, на территории которой прошла большая часть жизни Будды. У Хла Тейн Тху уверяет, что его цель заключается только в том, чтобы восстановить истину, историческую справедливость (с. 94–95). Однако в любом случае утверждение, что «буддизм для мьянманцев – религия по крови», никак не стыкуется с основными постулатами буддийского учения.

В рецензируемой книге читатель найдет любопытные материалы об умонастроениях мьянманского общества, особенностях мьянманского менталитета, интересные заметки о важнейших событиях истории Мьянмы. Значительное место отводится показу роли в истории мьянманской государственности народа пью, существовавшего на рубеже I–II тысячелетий. Они называются прямыми предшественниками бирманского государства Паган, достигшего расцвета в XI–XIII вв. н.э. (с. 32–34). Обычно роль пью не находит достаточного отражения в работах по истории Мьянмы.

Автор, на наш взгляд, обоснованно отмечает имперский характер Бирманского государства, опирающегося на буддийское представление о Чакравартине – повелителе мира, защитнике и распространителе дхармы. Поэтому из почти 200 стран мира только менее 40 превосходят Мьянму по площади. Особую гордость У Хла Тейн Тху испытывает по поводу того, что мьянманцам удалось создать империю и сохранить свою самобытность в окружении таких мощных цивилизаций, как индийская и китайская. Мьянманцы воспринимали все хорошее от обеих, приспосабливая заимствованное к местным условиям. Приводятся интересные мьянманские поговорки: «От китайцев заимствовали рубашку, а от индийцев – юбку-лоунджи», «от индийцев – острые блюда, а от китайцев – сладкие, получив в результате кисло-сладкие» (с. 129). Однако и здесь автор не избегает противоречия. С одной стороны, он отмечает воинственность мьянманцев, их способность к созданию империй, а с другой – отрицает их агрессивность, стремление к экспансии в прошлом (с. 138).

Можно сказать, что наименее убедительный сюжет книги – основной: доказательство мьянманского происхождения Будды. Впрочем, заголовок издания скорее следует рассматривать как своего рода провокацию, привлекающую к нему внимание читателей и дающую автору возможность сказать об уникальной роли Мьянмы в истории буддизма. При этом У Хла Тейн Тху по-новому высветил ряд неясных вопросов, связанных с возникновением и распространением буддизма, тем самым давая исследователям некоторую пищу для дальнейших размышлений в этом направлении.

Н.А. Листопадов